

На правах рукописи

Нагибина Ирина Геннадьевна

**ФОРМИРОВАНИЕ ДИСКУРСИВНО-КОММУНИКАТИВНОЙ
ПАРАДИГМЫ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ:
ОТ ТЕОРИИ К СОЦИАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ**

Специальность 10.02.19 – Теория языка

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Красноярск – 2017

Работа выполнена на кафедре теории германских языков и межкультурной коммуникации ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет»

**Научный
руководитель:**

доктор филологических наук,
профессор
Куликова Людмила Викторовна

**Официальные
оппоненты:**

Леонтович Ольга Аркадьевна,
доктор филологических наук,
профессор, ФГБОУ ВО
«Волгоградский государственный
социально-педагогический
университет», кафедра
межкультурной коммуникации и
перевода, заведующий кафедрой

Колпачкова Елена Николаевна,
кандидат филологических наук,
доцент, ФГБОУ ВО «Санкт-
Петербургский государственный
университет», кафедра китайской
филологии, доцент

**Ведущая
организация:**

ФГБУН «Институт языкознания
Российской академии наук»

Защита диссертации состоится 14 декабря 2017 года в 11.00 часов на заседании диссертационного совета Д 999.016.04 на базе ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет», Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (ИФЛ СО РАН), ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет» по адресу: 660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 82, стр. 9, ауд. 4-02.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет» <http://www.sfu-kras.ru>.

Автореферат разослан «___» октября 2017 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Бурмакина Наталья Геннадьевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая работа посвящена систематизирующему изучению и теоретическому обоснованию процессов становления и тенденций развития дискурсивно-коммуникативного направления в китайском языкознании, а также выявлению и комплексному лингвистическому описанию основных культурно-коммуникативных ориентиров / векторов, детерминирующих специфику дискурсивного взаимодействия в китайской языковой культуре.

Актуальность данного диссертационного исследования обусловлена следующими факторами:

– недостаточным количеством отечественных публикаций, в центре внимания которых аутентичные разработки китайских специалистов в области дискурсивной тематики;

– системным анализом и целостным теоретическим осмыслением исторических и современных подходов к формированию лингвистики китайского языка в части ее дискурсивной парадигмы;

– расширением спектра сведений о малоизвестных в нашей стране авторах и научных источниках, освещающих специфику и тенденции становления дискурсивной теории в Китае.

Объектом изучения в работе является китайская исследовательская традиция в области дискурсивной лингвистики. В качестве **предмета исследования** выступают теория дискурс-анализа в китайском языкознании и традиционные культурно-коммуникативные векторы, конституирующие китайское дискурсивное пространство.

Рабочую **гипотезу** диссертации отражает идея о том, что дискурсивные исследования и их результаты в китайском академическом сообществе имеют свою собственную оригинальную специфику, базируются на традиционном философско-мировоззренческом фундаменте и уникальной языковой картине мира, эксплицируя при этом культурно обусловленные коммуникативно-дискурсивные конвенции в социальном взаимодействии носителей китайского языка.

Целью диссертационной работы является системное описание формирования и развития парадигмы дискурсивной лингвистики в китайском языкознании, а также попытка обобщения и классификации базовых составляющих дискурсивно-

коммуникативной практики в китайской лингвокультуре. Достижение поставленной цели потребовало решения следующих укрупнённых **задач**:

1. Рассмотреть особенности ассимиляции «западных»¹ теорий дискурс-анализа в китайской научной традиции и представить систематизирующее описание современных направлений китайской дискурсологии.

2. Изучить историко-философские предпосылки формирования культурологического дискурс-анализа в китайском языкознании.

3. Описать китайский культурологический дискурс-анализ как релевантную теорию китайской лингвистики и на основе результатов исследования расширить его методологию.

4. Смоделировать дискурсивное пространство Китая в формате доминирующих культурно-обусловленных векторов коммуникации как интерпретативную основу дальнейших исследований китайского дискурса.

Материалом исследования послужили 1) научные публикации китайских специалистов в области дискурсивной лингвистики и междисциплинарных подходов к теории дискурса; 2) произведения китайской канонической литературы и комментарии к ним; 3) фрагменты разных типов современного китайского дискурса общим объемом в 650 тысяч знаков / 820 страниц печатного текста; 4) специализированные словари и интернет-источники по исследуемой проблематике.

Общетеоретическую и методологическую базу диссертации составили труды отечественных и зарубежных ученых в области лингвистики текста и теории дискурса (О.В. Александрова, В.И. Карасик, В.Б. Кашкин, А.А. Кибрик, Л.В. Куликова, М.Л. Макаров, С.Н. Плотникова, В.Е. Чернявская, Е.В. Basso, S-q. Cao, G-m. Chen, T.A. van Dijk, N. Fairclough, D.Z. Kádár, K. Kinge'l, S-m. Lu, R. Wodak, 王福祥 / Ван Фусян, 文旭 / Вэнь Сюй, 丁言仁 / Дин Яньжэнь, 李思屈 / Ли Сыцюй, 李清良 / Ли Цинлянь, 李战子 / Ли Чжаныцзы, 冯冰 / Ма Бин, 潘若简 / Пань Жоцзянь, 邢福义 / Син Фу'и, 徐赳赳 / Сюй Цзюцзю, 吴培显 / У Пэйсянь, 傅勇林 / Фу Юнлинь, 黄国文 / Хуан Говэнь, 曹顺庆 / Цао Шуньцин, 张德禄 / Чжан Дэлу, 张旭东 / Чжан Сюйдун, 张桃洲 / Чжан Таочжоу, 周宁 / Чжоу Нин, 朱永生 / Чжу Юншэн, 庄宇新 /

---

¹ В данной работе термин «Запад» / «западный» номинирует страны Европы и США, а «Восток» / «восточный» относится к странам Азии, Африки и Латинской Америки.

Чжуан Юйсинь, 钟大丰 / Чжун Дафэн, 陈国明 / Чэнь Гомин, 陈汝东 / Чэнь Жудун, 陈平 / Чэнь Пин, 施旭 / Ши Сюй, 盛晓明 / Шэн Сяомин, 沈家煊 / Шэнь Цзясюань, 杨安翔 / Ян Аньсян, 杨娜 / Ян На); лингвокультурологии и культурной психологии (В.В. Дементьев, Н.А. Спешнев, Е. Goffman, Y-g. Gu, Н-с. Ну, 葛鲁嘉 / Гэ Луцзя, 汪凤炎 / Ван Фэн'янь, 王勤 / Ван Цинь, 林语堂 / Линь Юйтан, 刘宏斌 / Лю Хунбинь, 孙士超 / Сунь Шичао, 黄光国 / Хуан Гуанго, 佐斌 / Цзо Бинь, 曾文星 / Цзэн Вэньсин, 秦明吾 / Цинь Мин'у, 钱冠连 / Цянь Гуаньянь, 翟学伟 / Чжай Сюэвэй, 郑红 / Чжэн Хун, 朱瑞玲 / Чжу Жуйлин, 杨国枢 / Ян Гошу); культуры, религии и философской мысли (Б.М. Гаспаров, Ж. Деррида, А.И. Кобзев, М.Е. Кравцова, Ю.М. Лотман, В.В. Малявин, А.А. Маслов, Е.В. Переверзев, Е.Д. Поливанов, С.Ю. Рыков, М. Хайдеггер, 王小东 / Ван Сяодун, 王勤 / Ван Цинь, 韦政通 / Вэй Чжэнтун, 李宗桂 / Ли Цзунгуй, 林语堂 / Линь Юйтан, 鲁迅 / Лу Синь, 刘宏斌 / Лю Хунбинь, 邢福义 / Син Фу'и, 孙隆基 / Сунь Лунцзи, 孙士超 / Сунь Шичао, 陶绪 / Тао Сюй, 方宁 / Фан Нин, 侯玉波 / Хоу Юйбо, 胡先晋 / Ху Сяньцзинь, 黄光国 / Хуан Гуанго, 金耀基 / Цинь Яоцзи, 佐斌 / Цзо Бинь, 秦明吾 / Цинь Мин'у, 翟学伟 / Чжай Сюэвэй, 张幼文 / Чжан Ювэнь, 周光庆 / Чжоу Гуанцин, 余世存 / Юй Шицунь, 杨国斌 / Ян Гобинь, 杨阳 / Ян Ян); теории межкультурной коммуникации (Л.В. Куликова, О.А. Леонтович, И.А. Стернин, R. Scollon, S. Scollon, 黄曬莉 / Хуан Лили).

В работе нашли применение следующие общенаучные и лингвистические **методы исследования**: *теоретический анализ*, включающий *индуктивный и дедуктивный методы* для обобщения собранных теоретических данных; *метод интроспекции и лингвистического наблюдения*, который применялся во время обучения автора в Шаньдунском университете (КНР) для сбора информации об исследованиях китайского дискурса и мониторинга реальных фрагментов коммуникации в разных типах непосредственного и опосредованного дискурса; *дефиниционный анализ* – с целью определения ключевых понятий работы и формулирования понятийного аппарата исследования; *метод интерпретации* рассуждений о языке в китайском философском знании; *сопоставительный анализ* при сравнении моделей критического и культурологического дискурс-анализа; *метод китайского культурологического дискурс-анализа*; *анкетирование*.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые описаны тенденции развития теории дискурса и специфика культурологического дискурс-анализа в китайском языкознании, расширена и дополнена методология китайского культурологического анализа дискурса, разработана авторская модель дискурсивного пространства китайской лингвокультуры как совокупности культурно-коммуникативных векторов.

Теоретическая значимость работы состоит, прежде всего, в дальнейшей разработке проблематики теории дискурса и дискурс-анализа за счет включения в общую теорию языка идей и концепций, характеризующих разделы частного языкознания; во введении в научный оборот отечественной лингвистики новых источниковых сведений о китайских авторах и публикациях по изучаемому вопросу; а также в комплексном теоретическом обосновании конститuentов коммуникации, имеющих, в том числе, прогностический и объяснительный потенциал для процессов межкультурного взаимодействия в китайской лингвокультуре.

Практическая ценность работы определяется возможностью применения ее результатов в вузовских курсах общего языкознания, теории дискурса, спецкурса по теории китайского дискурс-анализа, практике китайского языка, для подготовки курсовых, выпускных квалификационных работ и магистерских диссертаций. Полученные результаты в отношении смоделированного дискурсивного пространства китайской лингвокультуры формируют продуктивную основу для прикладного изучения и эмпирических обобщений специфики коммуникации носителей китайского языка. Представленный в исследовании терминологический абрис может быть использован для дополнения Большого китайско-русского электронного словаря (БКРС).

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Общие тенденции развития китайского дискурс-анализа, инкорпорированного в китайское гуманитарное знание в конце 80-х годов XX столетия, являются прямой проекцией традиционных направлений исследований дискурса, сформировавшихся в «западном» научном сообществе. Зарождение китайской дискурсологии, специализирующейся на изучении различных форм и типов дискурса, произошло посредством перевода «западных» публикаций, посвященных теории дискурса и дискурс-анализу, на китайский язык, их

интерпретации китайскими учеными и попытками применения методов дискурс-анализа в китайском дискурсивном пространстве.

2. С начала XXI века в китайской дискурсологии формируется новое направление – культурологический дискурс-анализ (文化话语研究), использующее идеи и методы критического анализа дискурса. Культурологический дискурс-анализ позиционируется его теоретиками как «протестная» научно-исследовательская практика, направленная на интерпретацию и объяснение отношений неравенства «западных» и «восточных» лингвокультур и социумов, репрезентируемых в процессах коммуникации.

3. Китайский культурологический дискурс-анализ (中华文化话语研究), получивший развитие как ответвление теории культурологического дискурс-анализа, ориентирован на выработку общей модели, перспективы построения дискурсивной теории, методологии и практики в исследовательском пространстве китайской языковой культуры с учетом собственных культурных и социальных конвенций. Китайский культурологический дискурс-анализ базируется на сочетании двух основных методологических элементов – «деконструкция» и «трансформация», направленных на оценку институциональных, исторических, идеологических характеристик, определяющих «глобальный» контекст реализации национального дискурса, и экспликацию культурно обусловленных ритуалов китайского общения как выражения «духовной культуры», знаний и мировоззренческих концепций.

4. В теории культурологического подхода к анализу современного дискурса Китая определен ряд традиционных коммуникативных ориентиров, или векторов, реализуемых в разнообразных интерактивных практиках китайской лингвокультуры. Культурно-коммуникативные векторы выявлены на основе архетипов китайской коммуникации, постулированных в древних канонических текстах, лежащих в основе китайской философии, религии, культовой и психофизической практики.

5. Культурно-коммуникативный вектор как традиционный архетипически обусловленный дискурсивный ориентир, имея социальную природу символической конвенции и рекуррентный характер, определяет специфику языковой реализации дискурса в конкретной лингвокультуре. Культурно-коммуникативный вектор проявляется в интеракции вариативными способами, обозначенными в данном исследовании модусами его репрезентации.

6. Китайское дискурсивное пространство конституируется совокупностью органично дополняющих друг друга культурно-коммуникативных векторов: «Гармония» / «中和» (чжунхэ) как целеполагающий вектор, «Лицо» / «脸面» (ляньмянь), «Вежливость» / «礼貌» (лимао), «Смысл вне пределов языковой формы» / «言不尽意» (янь бу цзинь и), «Диалектический подход» / «辩证思维» (бяньчжэн сывэй), «Включение в отношения» / «关系» (гуаньси), «Почитание авторитета» / «崇尚权威» (чуншан цюаньвэй), «Патриотизм» / «民族爱国主义» (миньцзу айгочжу'и) и дискурсивного императива, фонообразующего конституента китайской коммуникации – «Эстетика речи» / «话语审美» (хуаюй шэньмэй).

7. «Эстетика речи» / «话语审美» является универсальным языковым феноменом китайской коммуникации, фоновой характеристикой, присущей всем типам дискурса, и определяется как предназначенность языковых средств для удовлетворения потребностей эстетического мышления и воздействия на эстетические установки адресата. Данный дискурсивный императив реализуется на фонетическом (ритм), лексическом и синтаксическом (лаконичная выразительность, симметрия структур) уровнях, а также задействует когнитивный уровень языковой личности, включающий знания о мире, способности мысленного представления объектов, ситуаций, действий, не данных эксплицитно в актуальном восприятии.

Апробация результатов исследования проводилась в форме отчетных выступлений на аспирантских семинарах Института иностранных языков Шаньдунского университета (КНР, г. Цзинань, 2015 г.) и в ходе научных консультаций в Центре изучения современного китайского дискурса Чжэцзянского университета (КНР, г. Ханчжоу, 2016 г.), а также на международной научно-практической конференции «Один пояс – один путь» (КНР, г. Циндао, 15–17 мая 2015 г.), по результатам которой диссертантом получено назначение на должность научного сотрудника Центра исследования России и Центральной Азии Шаньдунского университета сроком на пять лет; международной научно-практической конференции «“Игры” великих держав и будущее в Центральной Азии» (КНР, г. Цзинань, 28–30 октября 2016 г.); XVI международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы науки XXI века» (РФ, г. Москва, 30 ноября 2016 г.); международной научно-практической конференции молодых исследователей «Язык, дискурс, интеркультура

в коммуникативном пространстве человека» (РФ, г. Красноярск, 25 апреля 2017 г.); X Юбилейной международной научно-практической конференции «Россия – Китай: история и культура» (РФ, г. Казань, 5–7 октября 2017 г.). Исследование получило поддержку Китайской государственной канцелярии по распространению китайского языка за рубежом «Ханьбань» (грант «Познание Китая», 2015 г.) и «Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности» (2017 г.). По теме диссертации опубликовано шесть работ общим объемом 4,1 п.л., в том числе четыре статьи в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки России.

Объем и структура диссертации. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списков литературы, словарей и энциклопедий, цитируемых источников канонической литературы, источников примеров, приложения. Общий объем работы составляет 231 страницу печатного текста.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность исследования, указываются объект, предмет, цель и задачи, выдвигается гипотеза, характеризуются материал и методологические основы, формулируются научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, положения, выносимые на защиту.

В первой главе «**Становление китайской традиции дискурс-анализа**» выявляются основные направления современной китайской дискурсологии, дифференцируемые предметом изучения и применяемыми методами исследования; формируется их терминологический абрис; рассматривается культурологический дискурс-анализ как новая исследовательская традиция в китайской лингвистике современного этапа и излагаются историко-философские предпосылки формирования китайского культурологического дискурс-анализа. Первая глава работы содержит систематизирующее описание аналитической модели китайского культурологического дискурс-анализа, верифицированной эмпирическими работами китайских лингвистов.

Дискурс как межаспектное родовое понятие, объединяющим ядром которого, по мнению Чэнь Жудуна, является «интеракция субъектов между собой и окружающей действительностью» [陈汝东 / Чэнь Жудун, 2008, с. 131], стал предметом изучения китайских лингвистов в конце 80-х годов прошлого века, со

времен начала проведения в стране внешних реформ и интегрирования западных исследовательских концепций в китайские гуманитарные науки. Таким образом, основу развития дискурсивной проблематики в китайском языкознании сформировали идеи европейских авторов в области теории дискурса и дискурс-анализа, их интерпретации китайскими учеными и попытки применения соответствующих методов на материале дискурсивного пространства Китая.

Лингвистические изыскания китайских исследователей проводятся на основе таких известных направлений, как логико-прагматическая теория коммуникации [Brown, Levinson, 1978, 1987; Leech, 1983; Grice, 1991; Gu, 1990; 盛晓明 / Шэн Сяомин, 2000]; конверсационный анализ [Sacks, Schegloff, Jafferson, 1974; Atkinson, Heritage, 1984; 于国栋 / Юй Годун, 2008; 李慧 / Ли Хуэй, 李经纬 / Ли Цзинвэй, 2014]; этнография коммуникации [Hymes, 1971; Gumperz, 1982; Young, 1982; 文旭 / Вэнь Сюй, 2004]; теория речевых актов [Austin, 1962; Searle, 1969, 1979; Chen, 1996; 元庭栋 / Юань Тиндун, 2004]; когнитивная теория связи дискурса и грамматики [Givón, 1976, 1979; 李战子 / Ли Чжаныцзы, 2000; 周平英 / Чжоу Пин'ин, 2005]; системно-функциональная грамматика [Halliday, 1985; 郑庆君 / Чжэн Цинцзюнь, 2000; 吴启主 / У Цичжу, 2002]; критический дискурс-анализ [Dijk, 1993; Fairclough, 1992; Wodak, 1996; 张骏宇 / Чжан Цзюньюй, 2004; 施光 / Ши Гуан, 2014]. Следует отметить, что в основном китайские лингвисты не знакомы с подходами к исследованиям дискурса, представленными в трудах российских ученых.

Анализ многочисленных публикаций выявил, что традиционно в рамках разных дисциплин китайского гуманитарного знания проводятся исследования в области лингвистического дискурса (语言话语学研究); дискурса литературного произведения (文艺话语研究); массмедийного дискурса (传播话语研究); дискурса философии (哲学话语研究); дискурса культуры (文化话语研究); дискурса политики, социальных отношений, феминизма, истории, коммерции, педагогики, психических феноменов (政治、社会、女权、历史、商务、教育、心理学科领域中的话语研究). При этом в академическом сообществе Китая сохраняются дискуссии о включении в «традиционную» китайскую дискуртологию всей науки о языке, т.е. конфуцианской экзегетики (训诂学), литературы (文学), этимологии знаков (词源学), диалектологии

(方言学) и фонетики (音韵学) [陈汝东 / Чэнь Жудун, 2008; 唐青叶 / Тан Цин'е, 2009; Чжан, 2013].

В настоящий момент, как показало диссертационное исследование, в китайском научном пространстве существуют семнадцать терминов, семантически коррелирующих с понятиями и дефинициями «дискурс» в «западных» гуманитарных науках, наиболее употребляемыми из которых являются лексемы «语篇» (юйпянь) и «话语» (хуаюй), переводимые на русский язык как «речь», «дискурс», «язык», «текст».

В начале XXI столетия в китайской дискурсологии появилось направление «**культурологический дискурс-анализ**» (文化话语研究). Его автор и разработчик, китайский лингвист Ши Сюй, обосновывая свою теорию, использует в целом концепцию и методы критического анализа дискурса как «разновидности дискурс-аналитической процедуры, направленной на изучение, главным образом, способов злоупотребления социальной властью, доминирования и неравенства, которые реализуются, воспроизводятся и сталкиваются с сопротивлением в форме дискурса в социальном и политическом контекстах» [Дейк, 2013, с. 111].

Однако для исследователей дискурса в русле культурологического дискурс-анализа исходным измерением, той основой, которая специфицирует общение в целом, является фактор культуры. Как подчеркивает основоположник культурологического дискурс-анализа Ши Сюй: «Человеческая реальность – это всегда культурная реальность» [Shi, 2005, с. 53]. При этом понятие «культура» определяется им как «свойственная конкретной цивилизации система восприятия действительности, символов, способов самовыражения, ценностей, правил, речевых моделей, социальных интеракций» [Shi, 2014, с. 27]. Целью культурологического дискурс-анализа является конструирование другого, «альтернативного» дискурса путем демонстрации скрытой или, как ее называет Л.В. Куликова, «подводной» части каждой культуры – места столкновения специфичных для каждого народа собственных норм, ценностей, мировоззренческих взглядов [Куликова, 2006, с. 84].

Итак, культурологический дискурс-анализ, разработанный китайским лингвистом Ши Сюем для всего спектра «восточной» коммуникации, направлен на интерпретацию национальных социокультурных факторов, определяющих языковые формы высказываний, традиционных для конкретного культурно-дискурсивного

пространства. Культурологический дискурс-анализ рассматривает любой фрагмент устного или письменного дискурса как продукт социальной интеракции, которая детерминирована определенной совокупностью коммуникативных ориентиров данной культуры. Социальный контекст, заданный культурными ориентирами каждого сообщества, должен непременно быть основой проводимых исследований «восточной» коммуникации, реализуемой посредством языка. В противном случае, исследователь рискует неверно истолковать текст или устное высказывание, интерпретируя патриотизм как фанатический национализм, контроль рождаемости как нарушение прав человека, выборочное сообщение о текущей обстановке как пропаганду или откровенную ложь.

Помимо идентичных черт в исторической и экономической проекции дискурса «восточных» стран, как отмечают исследователи, проявляет определенный набор схожих черт текстового порождения и истолкования [Basso, 1990; Kinge'l, 2000; Shi, 2009, 2013, 2014]:

1. Языковой расизм, с которым сталкиваются жители стран Азии, Африки и Латинской Америки на международном уровне.

2. Общая дискурсивная модель построения высказывания, направленная на гармонизацию отношений с собеседником. В качестве иллюстрации Ши Сюй приводит эмоциональные языковые экспликативы «вежливости» / «客气» (кэци) и «лица» / «面子» (мяньцзы) в азиатских странах; шона, или язык межэтнического общения в Зимбабве, главным образом используемый для восстановления гармонии общения; «диалогичность», являющуюся характерной чертой «позитивного восприятия собеседника» в дискурсе [Shi, 2009].

3. «Восточным» дискурсам присущи разнообразные формы, способы, своего рода «соединительные ткани» ведения коммуникации. В Нигерии, например, безмолвие является неотъемлемой частью общения [Shi, 2013].

4. Основными топиками коммуникации в «восточных» странах являются насущные ежедневные вопросы бедности, развития, мирной жизни и т.д.

Китайский культурологический дискурс-анализ (中华文化话语研究), получивший развитие как составляющая теории культурологического дискурс-анализа, был предложен лингвистом Ши Сюем в качестве эталонной модели интерпретации «восточной» коммуникации. Теоретики китайского

культурологического дискурс-анализа определяют дискурс как важнейшую составляющую культуры, духовным стержнем которой выступает китайская философия, и настаивают на том, что китайская коммуникация должна в первую очередь оцениваться с учетом фактора проявления собственной системы знаний и мировоззренческих идей. По мнению ученых, начиная с древности, принципы продуцирования и организации дискурса являются прямой проекцией китайской философской мысли [韦政通 / Вэй Чжэнтун, 1990 林语堂 / Линь Юйтан, 1994; 葛鲁嘉 / Гэ Луцзя, 1995; Chen, 2001; 汪凤炎 / Ван Фэн'янь, 郑红 / Чжэн Хун, 2013; Shi, 2009, 2013, 2014].

Весьма значимым для фундирования китайского культурологического дискурс-анализа, на наш взгляд, представляется описание правил коммуникации в «Чжоу и» («周易»), включающем собственно «И цзин» в узком смысле и комментирующую часть «И чжуань» («易传») – каноническое произведение, сохранившее свое центральное методологическое и мировоззренческое значение как для конфуцианства, так и для даосизма. По мнению Чи Чанхая, в «Чжоу и» детерминированы три основных аспекта дискурсивного поведения. Во-первых, коммуникативное действие должно быть направлено на конструирование образа адресанта как человека высших моральных качеств, или благородного мужа². При этом речевой акт должен быть наполнен изяществом и смыслом, что возможно достичь только «бесконечностью» используемых знаков. Во-вторых, само содержание высказывания должно находиться в тесной взаимосвязи с социальным положением говорящего. И, в-третьих, содержание высказывания должно соответствовать реальным фактам действительности. Более того, как указывает Чи Чанхай, в «Чжоу и» порицаются низкопоклонство, лесть и негуманность, реализуемые в речевых действиях, а главным принципом коммуникации провозглашается достоверность, справедливость и гуманность [池昌海 / Чи Чанхай, 2009].

Конфуцианская традиция рассматривает коммуникацию в качестве главного инструментария формирования социума, а её организация должна находиться в

---

² Конфуцианское понятие.

согласованности с социальным порядком, подразумевающим достижение гармонии. Как указывает ученик Конфуция Цзы-лу³ в «Лунь-юй», главной книге конфуцианства:

«片言可以折狱» / «Несколько слов могут решить дело»;

«一言可以兴邦» / «Одна фраза может сделать государство процветающим»;

«一言而可以丧邦» / «Одна фраза может привести государство к гибели»⁴ [论语原文译文集赏析, URL:<http://down1.5156edu.com/showzipdown.php?id=62967.html>].

Данные «моральные» установки, по мнению Ши Сюя, конституируют всю китайскую коммуникацию, являются самым важным и устойчивым принципом организации дискурса китайского народа [施旭 / Ши Сюй, 2010]. Китайские философские постулаты выполняют роль «цензора» по отношению к участникам дискурса, определяя нормы национального коммуникативного стиля. Духовные универсалии, имеющие архетипичную природу, являются дискурсивными конвенциями, определяющими особенности современной китайской коммуникации.

Модель китайского культурологического дискурс-анализа базируется на сочетании таких методологических составляющих, как «деконструкция» и «трансформация».

Деконструкция⁵, направленная на экспликацию или выявление «культурного подавления», включает ряд задач [Shi, 2005, 2009, 2013, 2014]:

1. Описание смыслового (возможно, эмоционального) «напряжения» вокруг знаков, «соотносящихся с расой, цветом кожи, гендером, национальностью, этничностью, колониальной историей, идентичностью, религией, географическим положением, экономической ситуацией и т.д.» [Переверзев, 2009].

2. Идентификация форм и категорий воспроизводства дискурса подавления, которое, как правило, осуществляется посредством использования определенного кластера лексических, стилистических, риторических приемов в комбинаторике с синтаксической композицией фрагментов текста.

---

³ 子路, 542-480 гг. до н.э.

⁴ Перевод выполнен И.Г. Нагибиной

⁵ Указанный термин восходит к понятию «деструкции» М. Хайдеггера – отрицания традиции истолкования для выявления скрытого смысла [Хайдеггер, 2007], которая получила теоретическое обоснование в работах Ж. Деридды [Деридда, 2000].

3. Непосредственная критика умолчаний, имплицитности «культурного доминирования» посредством демонстрации использованных в этих целях языковых структур.

Второй структурный элемент модели китайского культурологического дискурс-анализа – трансформация – заключается в продвижении дискурсов, способных противостоять дискурсам «культурного подавления», т.е. направленных на выравнивание асимметрии, создание равновесия существующих дискурсов. На этом этапе культурологического дискурс-анализа особенно прослеживается влияние китайского культурно-дискурсивного пространства, доминантным ориентиром которого является сохранение и поддержание т.н. «гармонии» (межличностной / межгрупповой / межгосударственной).

В связи с этим в задачи трансформации входит:

1. Озвучивание мнений так называемых подавляемых культур, комментарии политических и исторических причин умалчивания или невыражения ими своего мнения относительно спорного вопроса, ставшего поводом конфликта или военных действий.

2. Интерпретация поведения участников коммуникации, подразумевающей выстраивание дискурса согласно культурно-коммуникативным ориентирам, четкий комментарий и разъяснение национальных культурных особенностей поведения всех участников полилога.

3. Попытка создания более «гармоничной» коммуникации посредством изменения дискурсов различных социальных институтов в моно- и межкультурной интеракции.

Однако китайские языковеды только намечают перспективу развития дискурсивного направления в лингвистике с учетом собственной культурной традиции и специфики [邢福义 / Син Фу'и, 2000; Lu, 2000; 曹顺庆 / Цао Шуньцин, 李清良 / Ли Цинлян, 傅勇林 / Фу Юнлинь, 李思屈 / Ли Сыцюй, 2001; 陈汝东 / Чэнь Жудун, 2004; 陈国明 / Чэнь Гомин, 2004; 施旭 / Ши Сюй, 冯冰 / Фэн Бин, 2008; 施旭 / Ши Сюй, 2010; 杨娜 / Ян На, 2014], но не предлагают детального аналитического инструментария, четких параметров, позволяющих изучать и описывать формы и содержание дискурсивно-коммуникативного взаимодействия в китайской языковой культуре. В связи с этим целью второй главы данного диссертационного

исследования является комплексное описание ориентиров китайского культурно-дискурсивного пространства, являющихся стратегическими механизмами производства и адекватной интерпретации китайской коммуникации. При этом основные ориентиры, конституирующие процессы коммуникации в китайском социуме, терминологически обозначены в работе как культурно-коммуникативные векторы.

Вторая глава «**Культурно-коммуникативные векторы как конституенты дискурса в китайской лингвокультуре**» посвящена системному описанию китайского культурно-дискурсивного пространства; в параграфах главы предложен анализ и многостороннее обоснование конституентов китайской коммуникации, выделенных на основе классических философско-религиозных канонических произведений Китая, не утративших своей детерминирующей силы в актуальном культурно-дискурсивном пространстве.

Изучение обширного теоретического и эмпирического материала позволило смоделировать китайское культурно-дискурсивное пространство через совокупность культурно-коммуникативных векторов, характеризующих особенности общения и коммуникативного стиля в китайской лингвокультуре. **Культурно-дискурсивное пространство** определяется в исследовании как континуум потока социального опыта и национальных традиций, в котором на основе интеграции культурных и коммуникативных феноменов и символических кодов образуется специфическое содержательное и функциональное единство.

Культурно-коммуникативный вектор⁶ в рамках реферируемой диссертации понимается как традиционный архетипически обусловленный дискурсивный ориентир, имеющий социальную природу символической конвенции и рекуррентный характер, который определяет специфику языковой реализации дискурса в конкретной лингвокультуре. Культурно-коммуникативный вектор проявляется в интеракции вариативными способами, обозначенными в данной работе **модусами**⁷ его репрезентации.

---

⁶ Вектор (< лат. vector везущий, несущий) – величина, определяющая направление [Академик, <http://dic.academic.ru>].

⁷ Модус (< лат. modus мера, образ, способ) [Академик, <http://dic.academic.ru>].

Модель китайского культурно-дискурсивного пространства представлена нами через совокупность восьми культурно-коммуникативных векторов и дискурсивного императива, обязательного фонообразующего конституента китайской коммуникации. Описание системы культурно-коммуникативных векторов обеспечивает в целом теоретическое обоснование для анализа актуального китайского дискурса, а также дает общее представление о специфике и наполнении дискурсивного взаимодействия с представителями китайской языковой культуры. Графически модель китайского культурно-дискурсивного пространства визуализирована в данной работе следующим образом:

В моделировании китайского культурно-дискурсивного пространства в работе выделен сквозной конституент китайской коммуникации – «Эстетика речи» / «话语审美», детерминирующий речевую и поведенческую практику носителей китайского языка. Именно эстетика является дискурсивным императивом, конструирующим культурно-дискурсивный фон (совокупность фонетических, лексических, синтаксических языковых средств), обязательным условием правильной

коммуникации в рамках китайской языковой картины мира. «Эстетика речи» / «话语审美» как неписанный закон или правило продуцирования дискурса, постулирован в «Чжоу и», наиболее авторитетном произведении китайской канонической и философской литературы. Наряду с законами о «тесной взаимосвязи высказывания и контекста» – речевого акта и социального статуса, «высказывания и соответствия его содержания действительности» – речевого акта и подлинности содержащейся информации, «Чжоу и» содержит указание на априорность красоты и изящества плана выражения – всей совокупности материальных средств языка как условия трансляции нравственного и морального, т.е. достижения абсолютной цели коммуникации – порядка и гармонии:

«君子进德修业，忠信所以进德也，修辞立其诚，所以居业也» [周易传文白话解, URL: <http://vdisk.weibo.com/s/ujpgg77s55hYt.html>]. В современной интерпретации данное положение трактуют так: «Благородный муж – говорящий должен предельно ответственно и с благоговением подходить к выбору формы воплощения задуманного»⁸ [池昌海 / Чи Чанхай, 2009]. В рамках китайской языковой культуры эстетика дискурса – это двусторонний процесс удовлетворения потребностей эстетического мышления как референта, так и реципиента сообщения [施旭 / Ши Сюй, 2010]. Как описано литературным критиком Лю Се⁹ в «Вэнь синь дяо лун»¹⁰, китайская эстетика коммуникации крайне сопряжена с состоянием «сюйцзин» / «虚静» – просветленного и невосприимчивого к внешним факторам сознания (состояние духовного мира), позволяющего автору как продуценту дискурса воплощать художественную концепцию, задавая и очерчивая границы эстетики произведения [杨国斌 / Ян Гобинь, 2003].

Эстетика китайского дискурса как инструментарий «надлежащего» взаимодействия членов общества является своего рода философско-религиозным догматом успешной коммуникации. Цзо Цюмин¹¹, историк из царства Лу, предполагаемый автор «Цзо чжуань» («左传»), в комментариях к хронике «Чюньцю»

---

⁸ Перевод выполнен И.Г. Нагибиной.

⁹ 刘勰, ок. 521-465 гг. до н.э.

¹⁰ «文心雕龙» – «Дракон, изваянный в сердце письмен», «Дракон, изваянный в сердце словес», «Резной дракон литературной мысли».

¹¹ 左丘明, 556-451 гг. до н.э.

(«春秋»), приписываемой Конфуцию летописи княжества Лу, пятой книге конфуцианского «Пятикнижия» («五经»), указывает:

«言之无文，行而不远» / «Не обладающая изяществом речь далеко не разнесется»¹² [周易传文白话解, URL: <http://vdisk.weibo.com/s/ujpgg77s55hYt.html>].

Масштабы последствий сказанного можно спрогнозировать в зависимости от типа дискурса. По мнению Ян На, слова Конфуция: «名不正，则言不顺；言不顺，则事不成» / «(Если) имя не исправлено, то слово не соответствует (с делом); слово не соответствует, то дело не сделается»¹³ подразумевают направление всех действий на «усовершенствование и ресистематизацию языка» для придания ему большего благозвучия, что положительно скажется на гармоничном социальном взаимодействии [扬娜 / Ян На, 2014, с. 258].

Культурно-коммуникативный вектор «Гармония» / «中和» как целеполагающий конституент китайского культурно-дискурсивного пространства является доминирующим элементом в модели китайского культурологического дискурс-анализа для конструирования, сохранения равновесия между отдельными индивидами, микрогруппами, социумами и государствами. В рамках данного исследования выделено семь модусов реализации вектора «Гармония» на дискурсивно-поведенческом уровне. Внутреннее чувство гармонии в китайском мироощущении наступает при условии способности вести естественную коммуникацию согласно таким принципам, как «和顺、平和、心平气和、和颜悦色» / «миролюбивость, сдержанность, равновесность, доброжелательность», «和睦、融洽» / «согласие и лад», «和解、和平、结束战争或争执» / «компромисс, примирение, окончание войны или спора»¹⁴ [李宗桂 / Ли Цзунгуй, 1988].

Культурно-коммуникативный вектор «Лицо» / «脸面», восходящий к этико-политической традиции конфуцианства, определяет социально-нормативное поведение носителя китайской лингвокультуры. Китайское культурно-дискурсивное пространство конструируют одиннадцать модусов этого вектора в порядке межличностного / межгруппового / межгосударственного взаимодействия,

¹² Перевод выполнен И.Г. Нагибиной.

¹³ Перевод выполнен В.П. Васильевым.

¹⁴ Перевод выполнен И.Г. Нагибиной.

формируемого под влиянием моральных ограничений. Например, в нижеприведенном фрагменте политического китайского дискурса реализуется модус «Сохранение лица» / «留脸面», который, как правило, проявляется активнее, чем дискурсивный вариант «Нанесение вреда лицу» / «损脸面» или «Разрыв отношений» / «撕破脸面»:

«卫亚非表示对欧盟的提议非常失望，希望欧盟部长会议能认真对待此事，给予中国企业一个公正的裁决» / «Вэй Яфэй глубоко разочарован предложением Евросоюза, но выражаю надежду на то, что совет министров Евросоюза сможет с полной серьезностью отнестись к данному вопросу и вынести справедливое решение»¹⁵ [цит. по: Shi, 2010, с. 154].

При этом модус «Сохранение лица» / «留脸面» реализован сложноподчиненным противительным предложением с включением сочетаний «公正的裁决» («справедливое решение»), «认真对待» («серьезно, ответственно воспринять») и модального глагола «能» («мочь»).

Культурно-коммуникативный вектор «Вежливость» / «礼貌» реализуется во взаимозависимости или иерархических отношениях участников общения, детерминированных коммуникативным контекстом. Культурно-коммуникативный вектор «Вежливость» / «礼貌» – это коммуникативная конвенция, проявляемая в самоунижении, умалении своей позиции и возвышении собеседника.

Как отличительный конститuent китайского дискурсивного пространства, изобилующего имплицитностью, где план содержания обычно бывает значительно полнее плана выражения, в реферируемой работе выделен культурно-коммуникативный вектор «Смысл вне пределов языковой формы» / «言不尽意». Ценность имплицитной информации в китайской лингвокультуре в первую очередь основана на интеллектуальных усилиях, которые адресат уже затратил для ее получения. Извлечение имплицитных смыслов для носителей китайского языка соизмеримо с дешифрованием сакральных, канонических текстов, доступных для понимания только избранным, в данном случае, вовлеченным в китайское культурно-дискурсивное пространство. По этой причине уровень владения языком в большой

---

¹⁵ Перевод выполнен И.Г. Нагибиной.

степени определяется владением чэн'юй¹⁶, знанием исторических и мифологических персонажей, ведь аллюзии к ним присутствуют во всех типах дискурса.

Происхождение выражения «言不尽意» / «Смысл вне пределов языковой формы» восходит к комментариям к «И цзину» («易经»), или «Книге перемен», одной из книг конфуцианского «Пятикнижия» («五经»): «子曰: 书不尽言, 言不尽意。然则圣人之意不可见乎?» [цит по: 曹顺庆 / Цао Шуньцин, 李清良 / Ли Цинлян, 傅勇林 / Фу Юнлинь, 李思屈 / Ли Сыцюй, 2001, с. 50], что трактуется так: «Письменный текст не выражает речь, речь не выражает смысл, но это не означает, что смысл не может быть выражен»¹⁷.

Данный вектор специфицирует самостоятельное раскодирование посланной информации адресатом и имеет три модуса реализации: «Умалчивание» / «慎言», «Имплицитность, скрытость высказывания» / «含蓄» и «Множественный повтор мысли» как способ продуцирования истинного смысла высказывания / «正义多表». Модус «Имплицитность, скрытость высказывания» / «含蓄» – это дискурсивное конструирование смыслов посредством аллюзии и метафоры, когда адресат вынужден «читать между строк» и делать собственные умозаключения из сказанного, по-своему его интерпретировать.

Формы производства и понимание китайского дискурса, типизируемого такими ситуациями, как катастрофы, чрезвычайные ситуации, кризисы, а также представление собственных достижений, происходит по культурно-коммуникативному вектору «Диалектический подход» / «辩证思维». Реализация этого вектора осуществляется модусами максимального ограничения использования резких утверждений; глобального описания дискурсивного контекста; включения положительных сторон сложившейся негативной ситуации и наоборот – модусом «При благополучии не забывать об опасности» / «居安思危».

Культурно-коммуникативный вектор «Включение в отношения» / «关系» отражает одинаковую первостепенность адресанта и адресата в конструировании дискурса, который всегда является диалоговой формой общения. В соответствии с

---

¹⁶ Как правило, четырехсложные идиоматические выражения.

¹⁷ Перевод выполнен И.Г. Нагибиной.

конфуцианской традицией реализация этого вектора рассматривается в трех модусах: «Отношения семьи и государства» / «家国关系», «Отношения чиновников и простого народа» / «官民关系», «Отношения простых людей между собой» / «民民关系».

Одним из вариантов реализации древнего принципа регулирования этических норм социального поведения «孝道» / «преданность (служение) родителям, или нормы (принцип) сыновней почтительности», является культурно-коммуникативный вектор «Почитание авторитета» / «崇尚权威». Ориентация коммуникации по этому вектору проявляется посредством эксплицитного указания релевантной социальной позиции, возраста, наличия опыта; цитирования авторитетных высказываний; чрезмерной частотности (в сравнении с некитайским дискурсом) обращения к мнению авторитетного лица.

Культурно-коммуникативный вектор «Национальный патриотизм» / «民族爱国主义» проявляется во многих типах китайского дискурса. В современном Китае этот вектор реализуется в «мягком» / «软实力», имплицитном оппонировании двум ярким «противникам» – Японии и США. Особенно данный ориентир обнаруживается в ораторском искусстве китайских политических лидеров, где используются различные типы положительной самопрезентации: выступление политика от лица правительства, выступление от лица страны и выступление от своего лица. Культурно-коммуникативный вектор «Национальный патриотизм» / «民族爱国主义» активно представлен в китайском интернет-пространстве, в информационных блогах, размещенных пользователями в социальных сетях и форумах. Подобные сентенции или их фрагменты немедленно заимствуются другими пользователями интернет-сети, равно как и цитаты из текстов дискурса высшего руководства Коммунистической Партии Китая. Многие выражения из них стали прецедентными высказываниями и афоризмами.

В **Заключении** приводятся общие итоги исследования и намечаются его перспективы.

Ассимилировав зарубежные концепции и методы дискурс-анализа, в начале XXI столетия китайское лингвистическое сообщество предложило собственную теорию интерпретации «восточных» дискурсов в целом и китайской коммуникации в

частности – культурологический дискурс-анализ и его ответвление – китайский культурологический анализ дискурса.

На основе изучения обширного теоретического и эмпирического материала в работе смоделировано китайское культурно-дискурсивное пространство через совокупность культурно-коммуникативных векторов и их комплексного философско-лингвистического описания. Это позволило расширить методологию китайского культурологического дискурс-анализа как модели постановки проблематики, принятой в качестве исходного алгоритма решения исследовательских задач.

Авторская модель интерпретативного анализа китайского дискурсивного пространства может создать продуктивную перспективу для дальнейшего изучения различных типов китайского институционального общения, а также дискурсивных практик повседневной китайской коммуникации.

Основные положения исследования отражены в 6 опубликованных работах.

Научные статьи, опубликованные в ведущих российских периодических изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ:

1. Savkin, D. A, Nagibina, I. G. Chinese Political Discourse and Russia's Role and Image in it / D. A Savkin, I. G. Nagibina // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences, 2017. – № 1. – P. 107–116.
2. Нагибина, И. Г. Опыт анализа китайского исследования внешне и внутренне ориентированного дискурса о политике ограничения рождаемости в КНР / И. Г. Нагибина // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – Ростов-на-Дону: ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», 2016. – С. 52–60.
3. Нагибина, И. Г. Культурно-философские компоненты формирования теории дискурса в китайском языкознании / И. Г. Нагибина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – С. 136–138.
4. Нагибина, И. Г. Китайский дискурс-анализ как новое направление: основания, подходы и перспективы / И. Г. Нагибина // Казанская наука. – Казань: Изд-во Казанский Издательский Дом, 2014. – С. 140–145.

Статьи, опубликованные в научных российских периодических изданиях:

5. Нагибина, И. Г. Реализация норм официально-делового стиля в деловом дискурсе современного китайского языка / И. Г. Нагибина // Единый всероссийский научный вестник. – М.: Всероссийское научное содружество, 2016. – С. 40–43.
6. Нагибина, И. Г. Метафорические модели в политической коммуникации КНР / И. Г. Нагибина // Наука сегодня. Проблемы и перспективы развития. – Вологда: ООО «Маркер», 2016. – С. 163–165.